

049

Редакція газети
"РУССКИЙ ГОЛОС"
ВОЛЫНСЬКА

МАША

Картина австро-мадярського террора в 1914 году

В. Р. Фабрикъ.

Л Ъ В О В Ъ, 1933.

АВР. ИНСТ. ВЪ АРЕНДЪ З. МЕДИЦКАГО.

25.079
Львівська бібліотека
АН УРСР

Въ числѣ убитыхъ находилась также и 17-лѣтняя дѣвушка, ученица 7 кл. гимназiи, Марiя Игнатьевна Мехнацкая, дочь настоятеля прихода въ с. Войтково, добромльскаго уѣзда. Талергофскiй Альманахъ. Вып. I, 1924.

М А Ш А.

Картина австро-мадьярскаго террора въ 1914 году.

Природа Карпатъ трепетала ликующей жизнью; все было ею проникнуто. Каждая былинка дышала нѣжнымъ шелестомъ, каждый листокъ шепталъ полную гармонiи, радостную думу.

Начало лѣта 1914 года было непостижимо чудеснымъ.

Получивъ свидѣтельство, Маша обрадовалась имъ очень. Въ немъ преобладали все хорошія отмѣтки. И не пустяки: Маша перешла въ 7 классъ гимназiи!

Какое несказанное веселіе! Шестой классъ кануль въ пропасть прошлаго. Каникулы, воля, свобода на лонѣ торжествующей природы манили къ себѣ.

Простясь съ подругами, Маша живо и сердечно цѣловалась съ каждой и еще въ день раздачи свидѣтельствъ выѣхала домой къ родителямъ.

*

Машѣ пошелъ 17-ый годъ.

Она расцвѣла, какъ вешняя роза въ Троицынъ день. На румяныхъ, свѣжихъ ланитахъ, въ карихъ, задумчивыхъ очахъ и въ очаровательной талии былъ замѣтенъ расцвѣтъ приближающейся весны ея жизни. Отъ нея вѣяло какимъ то мягкимъ и тихимъ настроеніемъ. Черныя, длинныя косы она свивала по тогдашней модѣ въ кольца на уши и въ прическѣ дѣлала ровный раздѣлъ, что придавало ея молоденькому дѣвичьему лицу особую прелесть.

Городъ Сянокъ, съ Дубровкою Русскою и прочими холми, стыми приселками, остался позади. Поѣздъ выѣхалъ на пригорокъ, а оттуда на просторъ полей. На нивахъ колосились хлѣба, на лугахъ, покрытыхъ пестрыми цвѣтами, гнулаь подъ вѣтеркомъ трава. Изъ бѣлыхъ тучъ вырынало синее, ясное небо, осѣщенное яркимъ солнышкомъ.

Господи Боже, что за счастье! Какъ любо и приятно!

Львівська бібліотека
АН УРСР
№ И- 55051

Повернувъ лицо въ сторону локомотива, Маша увидѣла въ сосѣднемъ окнѣ вагона миловидное лицо юноши, съ ясными голубыми глазами и буйными, каштановыми волосами. Эта случайная встрѣча расшевелила въ ея сердцѣ какую-то таинственную тоску, новое, до сихъ поръ неволновавшее ее, чувство.

Молодой человѣкъ улыбулся вѣжливо и далъ ей понять, что она ему нравится. Порывисто забилось у нея сердце, какъ никогда прежде, но все таки она вздохнула съ облегченіемъ. Въ этотъ мигъ промелькнуло черезъ ея умъ убѣжденіе, что она еще никогда не видѣла болѣе умнаго и симпатичнаго лица, чѣмъ у этого незнакомца. И тутъ-же явилась у нея идея: умчаться съ нимъ, куда удастся, куда глаза глядятъ въ широкій, прекрасный міръ. Однако какъ на зло, къ большому ея огорченію, поѣздъ остановился, а стройный юноша выскочилъ изъ вагона и успѣлъ ей только бросить въ окно вытянутую изъ петлицы сюртука красивую гвоздику.

И, словно алмазами, загорѣлся паровозъ жгучими искрами, и подъ стукъ колесъ и свистъ и шипѣніе машины умчался поѣздъ дальше. Прекрасный флиртъ прекратился внезапно.

Маша высѣла въ Коростнѣ; 13 километровъ она ѣхала бричкой въ родное Войтково.

Но вотъ впереди засіялъ крестъ на церкви. Въ роскошной прикарпатской котловинѣ, вдоль столбовой каменной дороги, раскинулось селеніе. Дремотная тишина медленно опускалась на уютную долину изъ горъ и окутывала ее дымкою сѣроватаго тумана. Послѣдніе отблески заходящаго солнца гасли на верхушкахъ сосенъ и елей. Надъ крышами крестьянскихъ хатъ вился жидкій дымъ. Пахло цвѣтомъ липы.

На встрѣчу Машѣ изъ крыльца на подворье вышли всѣ родные: мамаша, отецъ, сестры и братья. И всѣ рѣшительно замѣтили въ ней разящую перемену: бывало, она, какъ ясочка-касаточка, щебетала о школѣ, подругахъ, пансіонѣ, о Нинѣ Орловой, новой учительницѣ русскаго языка, о семьѣ, о томъ и всемъ, что только придетъ въ память. Теперь-же она упорно сохраняла молчаніе и отвѣчала лишь на отвѣты, и то не хотя. Сейчасъ послѣ ужина, она постоянно уходила въ гостиницу и въ темнотѣ любила наигрывать на роялѣ какую-то весьма жалобную пѣсенку.

Однажды Маша ушла въ свою комнатку еще до ужина, зажгла лампадочку съ абажуромъ, присѣла на диванчикъ и повела кругомъ глазами по стѣнамъ. И удивилась: надъ ея кроваткою висѣлъ новый образъ съ изображеніемъ св. Георгія на бѣлой, красивой лошади. Подъ ея ногами вился страшный драконъ, изъ пасти котораго вылеталъ огонь. Позади стояла дѣвушка особенной, нѣжной изящности и тонкой красоты. Картина была нарисована съ рѣдкимъ проникновеніемъ въ смыслъ борьбы рыцаря со змѣемъ и съ большимъ знаніемъ древняго быта.

Маша встала и подошла къ иконѣ, и чудо, и диво: св. Ге-

оргій былъ очень похожъ на незнакомаго, подарившаго ей гвѣздику. Она набожно опустила на колѣни и начала шептать материнскія молитвы.

И всю ночь не спала.

И такъ проходили дни за днями, ночи за ночами.

Утренняя заря.

Проснулась вселенная. Румяная улыбка загорѣлась на восточномъ небосводѣ. Бѣлая тучка расплылась надъ землею. Вышло солнышко, и роса самоцвѣтными изумрудами засіяла на травѣ. Въ распахнутое окошко изъ сада струился ароматный вѣтерокъ и звалъ къ себѣ на волю и просторъ.

Маша стояла у окна, утомленная предразсвѣтной безсонницей, и неподвижно глядѣла въ дивную даль. Нечаянно она вздрогнула, ибо ей почудилось, что кто-то робкой и несмѣлой поступью подошелъ къ окну. Нѣтъ, никого тамъ не было, только въ кустахъ сирени нѣсколько разъ озвалась лягушка. Черезъ гостиную и крыльцо она вышла въ садъ и по узкой дорожкѣ, между высокой, уже дозрѣвающей рожью, пошла по направленію Яворника Руссаго. Полные колосья касались ея лица, голубые васильки дергали ея юбочку.

Маша тихо вошла въ лѣсъ.

Тишина звенѣла въ ея ушахъ, но она продолжалась не долго. Стройно шумѣли ели и многочисленныя мушки и укрытыя птички наполняли воздухъ разными голосами. Эту дивную музыку нарушилъ пискъ кукушки. Хищный ястребъ держалъ ее въ своихъ острыхъ когтяхъ и крючковатымъ клювомъ клевалъ въ голову. Перья сыпались на сучья и землю.

— Ухъ, поганый! — промолвила Маша и обратно по тропинкѣ пустилась идти въ родное жилище.

На холмѣ она остановилась. Отъ села несся тревожный звонъ колокола, а когда внезапно обрывался, то слышно было жужжаніе народа.

— Что это?

И дѣвушка скоро побѣжала домой.

Мобилизація запасныхъ взбудоражила не только одно Войтково, но всю Галицкую Русь. Сараево вызвало всемірную суматоху, и за послѣднее время событія международной жизни пошли усиленнымъ шагомъ. На славянъ Австрійской имперіи палъ тяжелый ударъ, въ первую очередь на сербовъ и русскихъ. Приближаясь къ естественной смерти, Габсбурги пошли на проломъ противъ Славянства, задумавъ его всецѣло поработить.

Однако это имъ не удалось. И сербы, и чехи, и русскіе не пожелали быть рабами.

Вспыхнула война со всѣми звѣрскими инстинктами.

Домъ о. Игнатія Мохнацкаго, родителя Маши, во всѣхъ отношеніяхъ былъ славянскимъ и русскимъ. У него были полныя

изданія лучшихъ славянскихъ писателей и всѣхъ русскихъ классиковъ. Не смотря на то, что онъ былъ очень экономенъ, весьма охотно выдавалъ деньги на литературу и музыку. Но будучи священникомъ, онъ отдавалъ кесарю кесарево.

Политикой онъ мало занимался. Какъ умный человекъ, онъ зналъ, что война Австріи съ Россіей принесетъ не мало горя Галицкой Руси, и онъ былъ готовъ на жертву. Онъ полагалъ, что ему повелятъ переселиться въ глубь державы и спокойно ожидать конца войны. Но никогда онъ не думалъ, чтобы Австрія мучила своихъ гражданъ пытками и арестами, разстрѣливала и вѣшала ихъ цѣлыми тысячами лишь за то, что родились русскими.

Въ одно утро, когда Маша вернулась изъ лѣса, она уже не застала родного отца дома: два жандарма увезли его на крестьянской подводѣ изъ села. Рыданіе семьи слышно было во всѣхъ комнатахъ.

*

Какъ ни странно и больно, Австрія нашла сильную поддержку въ украинфильской партіи; поголовно вся интеллигенція этого направленія состояла на добровольной, тайной службѣ безпощадной, нѣмецкой стихіи.

Все семейство о. Игнатія находилось подъ наблюденіемъ тайныхъ доносчиковъ.

Прошелъ долгій, томительный мѣсяць.

Отъ о. Игнатія изъ Перемышля было получено письмо, что ему предъявляется обвиненіе въ томъ, что онъ на исповѣди уговаривалъ людей дать клятву на вѣрность русскому царю и что собиралъ деньги на военныя цѣли для русской арміи. И австрійскій судъ повѣрилъ въ эту чепуху.

Вечерѣло.

На приходствѣ явились три жандарма. Они перетрясли всѣ кровати, сундуки, чемоданы, бібліотеку, чердакъ и погребъ, но не нашли ни бомбъ, ни спрятанныхъ телефоновъ. Не нашли даже ни одной русской копейки.

Это ихъ взбѣсило. Какъ это такъ? Вѣдь учитель видѣлъ ихъ собственными глазами.

— Зачѣмъ вы насъ тревожите? — осмѣлилась спросить Маша.

— Молчи! — крикнулъ старшій жандармъ. — Мы на тебя удочку имѣемъ. По лѣсамъ, по полямъ бродишь, всѣ подробности записываешь, конечно, для козаковъ! А ну ка съ нами!

Маша стояла, какъ врытая. Щеки ея поблѣднѣли, губы посинѣли, глаза наполнились слезами, и она тихо прошептала:

— Мамочка! я боюсь этихъ людей.

Мать прибѣжала къ ней, но жандармы оттолкнули ее и насильно потянули Ману на подводу.

И увезли.

— Прощайте мои мальви, настурціи, васильки и незабудки, село и лѣсъ, и всѣ родные, и кукушка, и комнатка! Прощайте!

Августовская ночь стонала придавленнымъ стономъ.

Поле съ несжатымъ хлѣбомъ покрылось сѣрой пеленой. Перелѣски, какихъ много въ Прикарпатской полосѣ между Сяномъ и Вигоромъ, казались въ освѣщеніи луны мглистыми туманами. Огорвавшись отъ другихъ, волокнистыя облачки быстро неслись по небосводу. Въ сырости воздуха чувствовалась таинственная глубина царящей надъ землею прохладной темноты.

На соломѣ въ лѣтней юбочкѣ и кофточкѣ лежала Маша. Подвода катилась по шоссеиной дорогѣ въ Тростянець. И только теперь, пришедши въ себя, плѣнница вспомнила все, что съ нею произошло. Все случившееся было до того ужасно и непохоже на истину, что у нея опять закружилась голова.

— Не сонъ ли это? — подумала она нѣсколько минутъ спустя.

Но ея арестъ не былъ сномъ, а былъ голой, страшной правдой. Маша звала и искала помощи у звѣздъ, у неба, но всѣ ея молитвы были напрасны. Побѣду торжествовала хищная, звѣриная злоба жандармовъ, отъ которыхъ несло вонючей брагой, и они смѣялись такъ громко, что въ лѣсу, гдѣ Пятково русское, отзывалось звучное эхо.

Отъ боли у Маши ныло все тѣло. Горячка сожгла ея уста.

По полуночи подвода въѣхала въ Бирчу*) и остановилась на ротивъ суда. Сбѣжалась толпа. Усатые солдаты подошли съ донарями.

И пошла солдатская потѣха съ безстыжей руганью и уличными шутками. Эта ночь была для Маши ночью ужаса, а вся вселенная развалиной. Не на комъ и не на чемъ было ей опереться, и она поняла, что ей предстоитъ испытать пропасть челоуѣческой подлости и насилія.

Ибо люди стали бѣсами.

Изъ суда вышелъ высокій, рыжій офицеръ съ грубымъ, широкимъ лицомъ. Подъ его сонными глазами на выдавшихся углами скулахъ чернѣли по два кирпичныхъ пятна. Увидѣвъ трехъ дюжихъ жандармовъ и одну дѣвушку, онъ пришелъ въ бѣшенный гнѣвъ и велѣлъ отвести ее въ тюремную камеру, а жандармовъ позвалъ къ себѣ.

Въ камерѣ на полу лежало нѣсколько крестьянъ.

Свѣтало.

Не нарушая молчанія, какое царило въ тюрьмѣ, Маша присѣла на скамейкѣ въ углу и, склонивъ измученную голову на грязную стѣну, уснула.

И приснился ей ужасно мучительный сонъ: большой городъ на большой рѣкѣ. На улицахъ неподвижный туманъ черно-желтаго цвѣта. Съ воемъ и криками копошится толпа впередъ и назадъ, и тутъ и тамъ раздаются тяжелые вздохи. Изъ канала, точ-

*) Бирча-Борча, откуда происходилъ Іовъ Борецкій, митр. Кіевскій XVII ст.

но изъ вулкана, вырывается высокимъ столбомъ огонь; изъ огня выбѣгаетъ громадной величины звѣрь, и топчетъ, и поѣдаетъ и разрываетъ въ куски толпу. Разинувъ страшную пасть, онъ прямо мчится къ Машѣ. Она хочетъ убѣгать, да не можетъ. Бьется сердце, мѣлѣютъ ноги, и она кричитъ, что мочи...

Мнѣ очень часто дѣлають критики упреки, почему не пишу бодро, весело, а постоянно плачу, но развѣ при моей темѣ можно смѣяться? Нѣтъ, я не могу смѣяться, когда вспомню Машу, эту печальную голубку Карпатъ.

Вотъ она проснулась и почувствовала въ головѣ сильную боль, попросила у крестьянъ воды, но воды не было. Вдругъ открылась дверь и въ камеру вошелъ молодой жандармъ и накрѣпко перевязалъ крестьянъ и Машу желѣзной цѣпью.

Маша зарыдала. Жандармъ крикнулъ на нее ошеломляющимъ голосомъ и перевязанную громадку потянулъ за собою на дворъ. Тяжко было идти, желѣзо ломало кости. Лай и насмѣшки сопровождали влекомыхъ.

Эхъ ты, путь—дороженька вдоль Вигора! Круто ты въеешься у высокихъ холмовъ и скалистыхъ обрывовъ! Пекутъ твой камень, когда его обжаритъ лѣтнее солнце! Ёдка твоя пыль, взметенная вихремъ и бьющая въ глаза! Далеко разстояніе села отъ села, и въ безлюдіи погибай безъ помощи!

У Маши избилися лѣтніе ботинки и босыми ногами она прошла черезъ Рыботичи въ Добромилъ; шла два дня и двѣ ночи.

Какимъ желаннымъ уютомъ казался Машѣ товарный вагонъ послѣ этой тернистой дороги! Однако не долго она въ немъ ѣхала. Въ Нижанковичахъ поѣздъ остановился, и арестантамъ велѣно уходить изъ вагона — опять на пыльную дорогу, на жгучее солнце, на смѣхъ солдатъ, на вой толпы.

О, горе невольнымъ!

За Нижанковичами, надъ блестящей излучиной потока, стояла каменная статуя съ изображеніемъ великомученицы Варвары. Здѣсь остановилъ жандармъ плѣнныхъ на ночлегъ. Маша, бездомная сиротка, припала къ землѣ и, орошая ее слезами, цѣловала горячими устами.

Тутъ впервые проснулась въ ея сердцѣ пламенная любовь къ родной кормилицѣ — къ землѣ отцовъ и дѣдовъ. Она казалась ей недостижимой, какъ звѣзда на далекомъ небѣ. Маша чувствовала въ всемѣ существѣ тихой ночи, шелестъ полей и горъ, сіяніе солнца, дыханіе рошъ, мощную связь съ ветхими крестами на деревянныхъ церквахъ и таинственную струю стона поневоленнаго народа.

— О Русь моя! Какая ты несчастная, бѣдная! — думала она, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что сама была живымълицетвореніемъ своей сѣдой родины.

Принахмурилась земля. Вдали прогремѣло, молнія okayмила

западный край небосвода. Неистовый вихрь среди тучи пыли, поднятой съ дороги, несъ листья и солому съ опрокинутыхъ подводъ. Всполошенные лошади бѣжали по полю. Изъ-подъ колесъ разбитыхъ подводъ выгягивали руки рыдающія дѣти и женщины, кричали старики. Это бѣженцы, оставившіе родныя мѣста.

Война! И цѣлыя селенія уходили, куда очи глядѣли.

Маша прижалась къ статуѣ, ожидая чого-то страшнаго. Но буря миновала, не бросивъ на засушенную землю ни капли дождя. Изъ золотистыхъ грядокъ летучихъ облаковъ выкатилось чистое, ясное солнце.

Жандармъ приказалъ подыматься. Плѣнники вышли на дорогу, ведущую въ крѣпость Перемышля. Чѣмъ ближе подходили они къ городу, тѣмъ пестрѣе отъ толпы, солдатъ, лошадей, воевъ становились всѣ къ нему подходы.

Начался трагическій, крестный путь Маши и всѣхъ съ нею перевязанныхъ цѣпями и веревками. Со всѣхъ сторонъ несли кровавадный, бѣшенный гулъ люто возбужденной толпы.

Чтобы пощадить тебя, читатель, и себя не мучить, приспѣшаю окончаніе печальной повѣсти сжатой справочкой, заимствованной изъ „пропамятной книги“) австрійскихъ жестокостей, изувѣрствъ и насилій надъ карпато-русскимъ народомъ во время всемирной войны“.

Перемышль въ лихорадкѣ. Ревъ, визгъ, свистъ, гулъ сплелись въ дьявольскій хаосъ. Сраженіе на линіи Яновъ—Городокъ окончилось поражениемъ австрійской арміи. Въ 2 часа дня толпа накинута на проходившихъ подъ конвоемъ арестованныхъ русскихъ. Улица огласилась стопами и криками.

Дѣвушка пала на колѣни передъ Распятіемъ, находившимся на углу дома и, поднявъ къ нему руки, воскликнула:

— Мать Божья, спаси насъ!

И точно чудо-диво! На бѣломъ, игривомъ конѣ, словно св. Георгій, изъ-за угла примчался молоденькій офицеръ. Маша въ трепетной истомѣ устремила на него свои полныя отчаянія глаза.

И что?

Въ красивомъ молоденькомъ офицерѣ она узнала незнакомца, подарившаго ей на разъѣздѣ возлѣ Коростна красную гвоздику.

— Неужели это онъ? Спасеніе! Богоматерь не забыла меня — мелькнуло въ ея безутѣшной головѣ.

Однако и на этотъ разъ ошиблась Маша. „Рыцарь“ вытянулъ изъ кармана брюкъ блестящій револьверъ и выстрѣлилъ изъ него въ несчастную дѣвушку. Черный платокъ слетѣлъ съ головы; кося высыпались на грудь.

Маша пала на землю. Въ ея ухахъ зашумѣло и загудѣло; ей казалось, что тысячи незримыхъ рукъ тянутся къ ней, и въ ея умѣ все перемѣшалось: и мать, и отецъ, и сестры, и братья, и не-

*) Талергофскій Альманахъ. Вып. I. Львовъ 1924

знакомецъ изъ вагона, и гвоздика, и св. Георгій, и драконъ, пышущій огнемъ, и дѣвушка у бѣлой лошади, и сонъ въ Бирчанской тюрьмѣ, и статуя у Нижанковичъ и громъ, и опрокинутая телѣга, и вопль дѣтей.

И жгучій огонь объялъ ее со всѣхъ сторонъ. Она слышала точно сквозь сонъ, какъ топтали кони острыми копытами тѣла убитыхъ, какъ въ невыносимой тоскѣ рыдали и стонали мужчины и женщины, какъ истово кричали солдаты и съ ними вся звѣринная толпа.

*

А Русь роняла свои неотрадныя слезы. Оказалось, что растерзанныхъ въ этотъ злопамятный день, 15-го сентября, было 48 человекъ. Въ ихъ числѣ находилась и Маша.

Можетъ быть, не одинъ, прочитаеь смутную повѣсть, подумаетъ, что напрасно призывала Маша въ помощь Богородицу, напрасно была влюблена въ св. Георгія, напрасно цѣловала землю, у статуи великомученицы Варвары, подумаетъ и станетъ сомнѣваться въ томъ, что въ мирѣ существуетъ святое, справедливое Провидѣніе. Не за чѣмъ сомнѣваться! За мученія не одной только Маріи Мохнацкой, но за многія тысячи такихъ-же мученицъ, какъ она, постигла Австрію заслуженная кара: она распалась, какъ порохно, и ею на Галицкой Руси уже теперь никто не интересуется. А душа Маши свѣтится надъ Карпатами лучезарной зорькой, ея имя все чаще слышится на народныхъ вѣщахъ, все глубже оно проникаетъ въ вѣдра народа; и придетъ время, когда народный пѣвецъ споетъ про нее вѣчную, звучную думу.

Дыніска возлѣ Равы Русской, 30-ое іюля 1933.

